

Чтобы приучиться к этой мысли, необходимо еще раз вернуться к С. М. Широкогорову и посмотреть более внимательно, но не на то, какое определение он дает термину «этнос», а на то, как он обосновывает введение в этнографию понятия, соответствующего этому термину. «Вводя новый термин „этнос“, — писал С. М. Широкогоров, — я даю ему определение: этнос есть *группа* людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть *этническая единица*, — объект науки этнографии» [Широкогоров 1923 : 13]. Ключевой здесь является последняя фраза. Этнос — это *единица* исследования, *объект* этнографии. Судя по этому замечанию, свою задачу С. М. Широкогоров видел не столько в определении уже известного объекта исследования этнографии, сколько в идентификации ранее неизвестного объекта [Белков 1995 : 24]. Для него понятие этноса в некотором не вполне осознаваемом пределе выступало как *абстрактный теоретический объект*, независимо от его конкретного словесного облика (этнос — не этнос, историческая — не историческая общность, социальное — не социальное явление и т. п.).

Этнос и понятие различия

В конечном счете единственное свойство, которое представляет понятие этноса — это свойство «народа» отличаться по своей культуре от других «народов». Хотя в данном случае нам ничто не мешает изменить формулировку и говорить уже не о культурных различиях как свойстве «народа», а просто как о свойстве самой культуры «иметь в себе различие». Здесь культура как абсолютное различие, т. е. мыслимая отвлеченно от любого рода эмпирического объекта, выступает не в виде совокупности конкретных признаков, присущих той или иной группе населения, а в абсолютно чистом виде, что и позволяет использовать этот идеальный объект при исследовании вроде бы совершенно несоразмерных друг другу эмпирических явлений. В противном случае исследователи, изучающие культуру русских и русско-устинцев, вероятно, были бы не в состоянии знать, что занимаются одной и той же наукой. В указанном

смысле этнос как идеализированный объект является «пустым», поскольку ему фактически придается свойство «не иметь частей и протяжения». В переводе на язык этнографии это означает свойство «не иметь предметного образа».

Разумеется, в реальности нет объектов, наделенных такими абстрактными свойствами, как «иметь некое различие» и «не иметь протяженности и сложности состава», но надо понимать, что этнос как теоретический объект исследования есть не «что-то», *что* исследуется, а то, *посредством чего* это «что-то» исследуется. В этнографии понятие абсолютного различия играет такую же роль, как понятие абсолютно черного тела в физике. Приведем более близкий пример попытки построения таксономической иерархии единиц этнографического исследования: суперэтнос, этнос, субэтнос, этнографическая группа и пр. В чем заключается то общее, позволяющее нам или даже заставляющее нас ставить обозначаемые этими терминами явления в отношении части и целого? Вероятно, только в различиях между ними, причем независимо от количественных или качественных характеристик этих различий. Парадокс в том, что общее невозможно выделить путем обобщения. Как известно, теория (теоретический объект) не является обобщением фактов и не может быть выведена из них логическим путем [Никифоров 2006 : 129]. Еще бóльшая путаница возникает в связи с тем, что обобщение иногда сочетается и потому отождествляется с абстрагированием [Грязнов 1982 : 56]. По Миллю, общее предложение — это не какое-то новое знание, а «памятная запись», способ хранения в удобной форме существующего знания [Милье 1899 : 157, 229]. Что же касается объектов «суперэтнос» или «субэтнос», то они, может быть, вопреки бытующему мнению не только не являются результатом обобщения фактов, но не являются и абстракцией самой реальности, поскольку обладают только синтаксическим содержанием, которое определяется их отношением к термину «этнос» («выше — ниже», «больше — меньше»).

В связи с идеализированными объектами возникает трудность, скорее, психологического характера, когда исследователю приходится мириться с тем, что он имеет дело только с одним объектом, который представляет только одно свойство эмпирического объекта [Грязнов 1982 : 37]. Скажем, в математике теоретическим объектом выступает «точка», а не «точки». Неудовлетворенность этим обстоятельством проявилась,

казалось бы, в очевидном определении этнографии как «науки об этносах» (не «этносе»).

Утверждение, что фактически объектом исследования этнографии выступает различие в человеческой культуре, является не таким уж неожиданным для самой этнографии. Согласно программным заявлениям Ю. В. Бромлея, этнографию странным образом интересует не культура, а культурные различия [Бромлей 1973 : 207, 208]. По мнению А. К. Байбурина, этнография строит себя, направляя внимание прежде всего на сходство и различие элементов культуры, причем интенсивность такого интереса зависит от «этнической дистанции» [Байбурин 1982 : 9]. Касаясь проблемы исчезновения предмета этнографии, К. Леви-Стросс, заявляет, что этнография (антропология) будет существовать ровно столько, сколько будут существовать культурные различия, поскольку эти различия и являются предметом ее исследования [Леви-Стросс 1999 : 36]. Но если это так, этнография есть наука о чем-то пустом и бессодержательном. Наткнувшись на этот неприятный вывод, ученые прибегают к спасательным теориям, как бы напоминая себе, что являются сторонниками взгляда на этнос как эмпирический объект.

Таким образом, этнографы всякий раз оказываются всего в одном шаге от признания, что этнос есть идеализированный объект, но так и не решаются сделать этот шаг ввиду его «пустоты» и «бессодержательности». В. А. Тишков утверждает, что этносы — «умственная конструкция», существующая только в головах этнографов, что «реально существует лишь некоторое «культурное многообразие», «континуум существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» [Тишков 1992 : 7, 8]. Все верно.* Только это не означает, что этнос не является объектом этнографии. Наоборот, именно благодаря абстрактности этнос только и может выступать в этой роли в противоположность предмету этнографии («культурному многообразию»). Ошибка оппонентов В. А. Тишкова заключается в тезисе «этнос — это реальность», т. е. в смешении понятий объекта и предмета исследования этнографии.

---

* В 1989 г. автором была защищена диссертация «Этнос аборигенов Австралии», одним из положений которой является тезис о том, что «племена» аборигенов представляют собой искусственные конструкции, образно говоря, «пакеты» для эмпирических данных по языку, культуре, обычаям и верованиям [Белков 1989 : 18].